

УДК 93

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ В КАЗАНИ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ (XIX – нач. XX вв.)

Валеев Р. М.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Академия наук Татарстана,
Казань, Российская Федерация
E-mail: valeev200655@mail.ru*

Абидулин А. М.

*Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Российская Федерация
E-mail: abidulinam@gmail.com*

Валеева Р. З.

*Казанский государственный институт культуры,
Казанский инновационный университет (ИЭУП), Казань,
Российская Федерация
E-mail: rozazv@mail.ru*

Статья посвящена феномену историко-научного изучения тюркского культурного наследия в России, в особенности в Казанском университете в XIX – нач. XX вв. Освещаются истоки практического и академического преподавания тюркских языков, литературы и истории в российских университетах, выделяются основоположники и направления формирования российской университетской тюркологии в России. Основное внимание уделено разнообразным историографическим и неопубликованным материалам, освещающим события, наследие востоковедов-тюркологов и итоги формирования тюркологии в Казанском университете в XIX – начале XX вв.

В XIX в. востоковедение приобретает подлинно научный и комплексный характер, во многом тюркология была основой образования и науки о Востоке в России. В последней его четверти ведущими учеными-ориенталистами была сформулирована основная задача – передавать студентам и обобщать «все знания относительно Востока, добываемые наукой, а не одни только языки его». В ориенталистике в XIX – начале XX вв. развивались филологическая и культурно-исторические дисциплины, новые методики и приемы исследований народов и стран Азии. Получило развитие классическое востоковедение, связанное с мертвыми и живыми восточными языками, литературой и историческими памятниками, древней и средневековой историей и культурой народов зарубежного Востока, азиатских территорий и народов Российской империи.

Ключевые слова: тюркология, Казанский университет, преподавание восточных языков, ориенталистика.

На протяжении XIX – начала XX вв. в России формируется и развивается классическая тюркология – актуальная научная дисциплина мирового востоковедения. Стержнем развивающейся классической тюркологии в России становится ориентация академических и университетских центров на изучение тюркских языков, исследование памятников тюркоязычной классической (современной) словесности и материальной культуры тюркских народов России и зарубежных тюркских государств

и народов. На рубеже XIX – XX вв. академическая и университетская тюркология сформулировала важные мировоззренческие, методологические и культурные (языковедческие, этнографические, эпиграфические и др.) выводы об историко-культурном наследии тюркского мира.

Университетское изучение и исследование тюркского социополитического, культурного и этнолингвистического пространства Евразии является давней и значимой традицией практических, академических и университетских центров России и Европы. Особо важную роль тюркское политическое и культурное наследие играло в истории и культуре народов России и современных тюркских государств.

В истории и культуре народов Поволжья и Приуралья и казанского востоковедения XIX – начала XX вв., в особенности университетской ориенталистики, тюркология, связанная с османистикой, арабистикой, иранистикой, исламоведением и даже монголоведением, занимает важное и почетное место. Истоки и развитие казанской научной школы российской тюркологии XIX – нач. XX вв. свидетельствуют в основном об историко-филологической и сравнительно-исторической направленности и комплексности исследований.

В основе формирования казанского центра университетской тюркологии XIX – нач. XX вв. – внешнеполитические, торгово-экономические и научно-культурные связи России со странами Востока и тюркского мира, масштабные задачи геополитического и социокультурного освоения тюркоязычного пространства имперской России, европейские традиции ориентального образования и науки и в особенности самобытные национальные научные школы и культуры тюркских народов Российской империи.

ТРАДИЦИИ ПРЕПОДАВАНИЯ АЗИАТСКИХ И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ В ПЕРВОЙ КАЗАНСКОЙ ГИМНАЗИЕЙ (1769–1854 гг.)

Истоки университетского преподавания тюркских языков в Казани в первую очередь связаны с Первой Казанской гимназией (образована в 1759 г.), где с 1769 г. началось преподавание татарского языка. Преподавателями татарского языка на протяжении многих лет были известные педагоги-просветители Сагит Хальфин (1732–1785), Исхак Хальфин (?–1800) и Ибрагим Хальфин (1778–1829).

Сагит Хальфин известен как автор первого в России печатного светского татарского букваря (Азбука татарского языка с обстоятельным описанием букв и складов, М., 1778). Он составил «Русско-татарский словарь», который был переписан в 1785 г. его сыном Исхаком Хальфиным. Также «Татарский словарь, в пользу обучающегося при Казанских гимназиях юношества татарскому языку, сочиненный при оных же гимназиях» (1785) Сагита Хальфина сохранился в трёх рукописных списках в востоковедных фондах Казани, Москвы и Санкт-Петербурга. По оценке А. Н. Кононова, «Татарский словарь» Сагита Хальфина служит свидетельством глубокого знания в России тюркских языков и «является ценным памятником тюркской лексикографии, заслуживающим специального исследования».

Ибрагим Хальфин вошел в историю российской тюркологии первой четверти XIX в. преподаванием татарского и арабского языков в гимназии и университете, а также работами в области тюркского языкознания и источниковедения (Азбука и грамматика татарского языка с правилами арабского чтения, преподаваемые в Казанской гимназии, 1809, 1812 и др.). В 1825 г. совместно с Х. Д. Френом была издана «Родословная тюрков» хивинского хана и историка Абуль-Гази Бахадур-хана (1603–1663), содержащая историко-культурные материалы по средневековой истории тюркских народов Евразии.

Сохранилось эпистолярное наследие, раскрывающее научные и просто человеческие взаимоотношения Ибрагима Хальфина (1778–1829) и Х. Д. Френа (1782–1851). Письма И. Хальфина петербургскому академику-востоковеду Х. Д. Френу сохранились в его личном фонде в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН [1]. В целом в фонде Х. Д. Френа сохранились девять писем И. Хальфина, написанные в период с 1819 по 1825 годы. Все письма представляют личные автографы казанского востоковеда и просветителя и написаны в основном на русском языке, лишь одно из них – на татарском (1825 год). Они наиболее полно представляют тесные научные и культурные связи российских востоковедов первой половины XIX века, показывают совместную источниковедческую работу по подготовке к изданию «Родословного древа тюрков» Абулгази, и в целом это яркое свидетельство взаимодействия казанской и петербургской школ российского востоковедения.

Первая Казанская гимназия стала крупным светским учебным заведением России первой половины XIX в., где шло целенаправленное и систематическое преподавание ряда восточных языков, в том числе тюркских. Она явилась учебно-педагогической базой становления и развития казанского университетского востоковедения и тюркологии в первой половине XIX века.

В 20-х гг. – первой половине 30-х гг. XIX в. в Первой Казанской гимназии формируется оригинальная система преподавания азиатских языков. Например, в 1822 г. было впервые официально введено изучение арабского и персидского языков с преподавателем Ф. И. Эрдманом; в 1826 г. на должность преподавателя мусульманских языков был назначен Мирза Казем-Бек; в 1827 г. и 1833 г. И. Верниковский назначался преподавателем арабского языка; в 1828 г. А. Онисифоров стал преподавателем татарского языка; в 1833 г. К. Фойгт и А. Попов были утверждены преподавателями персидского и монгольского языков; в 1835 г. Мирза Казем-Бек стал преподавать турецко-татарский язык и т. д.

В июне 1835 г. по докладу министра народного просвещения С. С. Уварова был утвержден указ Николая I о введении преподавания в программу гимназии г. Казани арабского, персидского, татарского, монгольского языков с целью подготовки переводчиков для ведомств империи.

В 1836 г. согласно «Положению о преподавании в Первой Казанской Гимназии Восточных языков» были созданы три разряда: 1) арабский и персидский, 2) турецко-татарский и персидский и 3) монгольский и турецко-татарский.

К середине XIX в. был сформирован основной преподавательский состав по изучению воспитанниками гимназии восточных языков. В апреле 1836 г. на должности преподавателей и практикантов восточных языков были утверждены: М. Казем-Бек (турецко-татарский язык), К. Фойгт (персидский язык), М. Первухин (арабский язык), А. Попов (монгольский язык), лама Г. Никитуев (практические занятия по монгольскому языку), Н. Сонин (практические занятия по персидскому языку), мулла М. Алиев (практические занятия по турецкому языку). В ноябре 1838 г. в программу гимназии был введен китайский язык и назначен преподавателем архимандрит Даниил. В 1842 г. Г. Гомбоев назначен преподавателем монгольского языка. В октябре 1842 г. введен армянский язык с преподавателем С. И. Назарьянцем. В январе-феврале 1843 г. М. Г. Махмудов был назначен преподавателем восточной каллиграфии и до 1855 г. преподавал также турецко-татарский язык. В сентябре 1845 г. Абд. Казем-Бек определен сверхштатным лектором турецко-татарского языка. В 1848 г. на должности восточных языков были назначены: В. Михайлов (татарский язык), К. Попов (персидский язык), М. Навроцкий (арабский язык), Г. Гладышев (армянский язык). В декабре 1852 г. Ахмет бен Хусейн назначен надзирателем живого арабского языка. В 1853 г. прекратилось преподавание армянского языка, К. Голстунский стал исполнять должность учителя монгольского языка и утверждена «таблица распределения уроков по классам» с восточными языками – арабским, персидским, турецко-татарским, монгольским, китайским, маньчжурским и т. д. Это лишь наиболее важные учебно-педагогические даты и славные имена.

В 40-х – первой половине 50-х гг. XIX в. произошли существенные изменения в организации и методике изучения восточных языков в Первой Казанской гимназии.

Например, в 1841–1845 гг. особые комитеты в составе профессоров разряда восточной словесности Казанского университета рассматривали «неудобства, которые были замечены в распределении преподавания восточных в первой Казанской гимназии», и сформулировали «надежные основания к успешности на будущее время» изучения восточных языков, а также составили новые распределения языков – арабского, персидского, турецко-татарского, монгольского и китайского.

Важным итогом деятельности комитетов стало составление «Правил для восточного отделения Первой Казанской гимназии», «Положения о преподавании азиатских языков в Первой Казанской гимназии» и новых «Распределений преподавания восточных языков в Первой Казанской гимназии», составленные Мирзой А. К. Казем-Беком (арабский, персидский, турецко-татарский), архимандритом Даниилом (китайский язык, в 1841 г.), А. В. Поповым (монгольский язык), И. П. Войцеховским (китайский язык).

«Правила для восточного отделения Первой Казанской гимназии» состояли из следующих положений: в отделение поступали ученики с 3-го класса гимназии; курс изучения азиатских языков распределялся на пять лет; воспитанники восточного отделения освобождались от изучения «высших частей математики, физики, немецкого и славянского языков, рисования и черчения»; в отделение принимались воспитанники «по удостоверению в их хороших способностях и совершенно основательном

знании предметов, положенных для первых двух классов гимназии»; слабые ученики могли оставаться в отделении не более двух лет, не переводились в высшие классы или исключались из гимназии и другие.

По проекту «Положения о преподавании азиатских языков в Первой Казанской гимназии» 1845 г. преподавание восточной словесности подразделялось на пять рядов: 1) арабско-персидский, 2) арабско-турецкий, 3) армянско-турецкий, 4) китайско-маньчжурский и 5) монгольско-маньчжурский.

Из 80-ти казеннокоштных гимназистов учебного заведения восточные языки должны были изучать 15 воспитанников: 4 – арабский и персидский, 4 – арабский и турецкий, 3 – армянский и персидский (турецкий), 2 – китайский и маньчжурский и 2 – маньчжурский и монгольский.

В 1850–1851 гг. прошел заключительный этап обсуждения и изменений в системе преподавания восточных языков в Первой Казанской гимназии и университете. Наиболее значительными недостатками профессора разряда восточной словесности считали: неудовлетворительное распределение преподавания языков в гимназии; низкий контроль за успешным преподаванием и изучением предметов восточной словесности; отсутствие связи между гимназическим и университетским преподаванием; постоянный переход воспитанников восточного отделения гимназии на другие факультеты университета и т. д.

Важным нововведением стала идея практической интеграции гимназических и университетских курсов по восточным языкам, в том числе тюркских.

Главные дополнения и изменения в существовавшей системе преподавания восточных языков в Первой Казанской гимназии в 1851 г. были сформулированы в следующих положениях: изучение восточных языков имело целью «особенное» образование воспитанников и начиналось с IV класса гимназии, так как они «должны основательно знать языки русский и французский» и иметь предварительный запас сведений для большего понимания теории «языков восточных сравнительно с другими языками»; преподавание монгольского языка дополнялось изучением турецко-татарского, как самого ближайшего к монгольскому языку «в лексическом и синтаксическом отношении»; «преподавание восточных языков в Первой Казанской гимназии должно быть теоретическое и практическое», осуществляемое старшими учителями и надзирателями «из иноверцев»; старшие учителя преподают восточные языки в каждом классе по 2 урока или во всех четырех классах по 8 уроков, а надзиратели ведут занятия в свободное от общего преподавания время 8 уроков в неделю или по 2 урока в класс «под наблюдением старших учителей»; для изучения азиатских языков избираются «отличнейшие казенные воспитанники, преимущественно оказывающие способности в языкознании»; «в Первой Казанской гимназии, как единственном учебном заведении в России, предназначенном для образования молодых людей по разным отделам восточного языковедения, должно быть положено казенных воспитанников для изучения азиатских языков 40 человек, из которых 15 назначаются по разряду арабско-турецко-татарского языка, 8 армянско-персидского, 8 монгольско-турецко-татарского, 5 маньчжурско-китайского и 4 армянско-персид-

ского»; выпускники гимназии, желающие поступить в университет, зачисляются в штат казенных студентов или становятся стипендиатами Первой Казанской гимназии по разряду восточных языков.

Профессорами и преподавателями университета были составлены новые программы преподавания восточных языков в Первой Казанской гимназии, которые сохранились в отечественных архивных фондах (РГИА, НА РТ и др.). «Проект нового положения о преподавании в Первой Казанской гимназии восточных языков» констатировал основные учебные и методические принципы теоретического и практического преподавания арабского, персидского, турецко-татарского, монгольско-калмыцкого, китайского и армянского языков.

Теоретическая часть преподавания восточных языков включала следующие положения: «чтение и письмо» (IV класс); «подробное изложение этимологии» и «легкие переводы с тщательным этимологическим разбором и объяснением» (V класс); «краткое систематическое изложение синтаксиса» и «продолжение переводов» (VI класс); «продолжение чтения» и «толкование трудных переводов» (VII класс) и другие.

Практическое преподавание восточных языков в гимназии должно было ориентировать надзирателей: на «чтение печатных сочинений и рукописей, писанных разными почерками, с особенным наблюдением за правильным произношением» (IV–V классы); «составление фраз из заученных слов» или «устные переводы», а также «разговоры» на азиатских языках (V–VI классы); «заучивание наизусть и декламация избранных поэтических отрывков и упражнения в сочинении частных писем и деловых бумаг, употребительных в общежитии» (VII класс) и т. д.

«Проект нового штата для преподавания в Первой Казанской гимназии восточных языков» включал шесть старших преподавателей арабского, персидского, турецко-татарского, монгольско-калмыцкого, китайского и армянского языков, семь комнатных надзирателей для «практического обучения воспитанников живым восточным языкам: персидскому, турецкому, татарскому, монгольскому, калмыцкому, китайскому и армянскому», а также учителя мусульманской каллиграфии «для обучения письму на языках: арабском, персидском и турецко-татарском по разным почеркам».

В 1853–1855 гг. на восточном отделении Первой Казанской гимназии произошли переломные изменения, которые привели к закрытию уникального востоковедного отделения в учебном заведении. В мае 1853 г. прекратилось преподавание армянского языка. В октябре 1853 г. была составлена новая «таблица распределения уроков по классам» в Первой Казанской гимназии, которая включила арабский, персидский, турецко-татарский, монгольский, китайский и маньчжурский языки. В октябре 1854 г. вообще прекращалось преподавание восточных языков (за исключением татарского языка), и преподаватели восточных языков переведены на факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета или оставили свои преподавательские должности.

В целом период середины – второй половины XIX в. в российском востоковедении связан с ограничением и прекращением изучения восточных языков в средних общеобразовательных заведениях России. Проект централизации востоковедческого

образования и науки в Санкт-Петербурге и его осуществление на базе факультета восточных языков университета в 1854/1855 гг. отразился на системе преподавания азиатских языков в гимназиях и училищах в России второй половины XIX – нач. XX вв.

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ОРИЕНТАЛИСТИКА И ТЮРКОЛОГИЯ В КАЗАНИ (XIX – нач. XX вв.)

Университетский устав 5 ноября 1804 г. предусматривал на словесном отделении профессора восточных языков и лектора татарского языка.

Истоки преподавания восточных языков в Казанском университете были связаны с татарским языком, которому обучались воспитанники под руководством И. Хальфина (1778–1829). Первый попечитель Казанского учебного округа (1803–1812) С. Я. Румовский (1734–1812) в августе 1805 г. поручил директору Первой Казанской гимназии (1804–1819) и ректору университета (1805–1814) И. Ф. Яковкину (1764–1836) выбрать 5 способных молодых юношей для дальнейшего обучения татарскому языку. Также было рекомендовано И. Хальфину заняться составлением новой грамматики татарского языка.

Указом Александра I от 10 июля 1807 г. доктор философии и профессор Ростокского университета Христиан Мартин Френ (Х. Д. Френ) (1782–1851) был назначен ординарным профессором восточной словесности в Казанском университете (1807–1817). Эти официальные мероприятия положили начало формированию казанского университетского востоковедения и тюркологии.

В первые два десятилетия истории казанской университетской ориенталистики заметны две противоположные тенденции, которые особо наглядно представлены в позициях профессора истории и политической экономии П. С. Кондырева (1789 – 1823) и попечителя Казанского учебного округа в 1819–1826 гг. М. Л. Магницкого (1778–1855).

В своей программной речи профессор П. С. Кондырев на торжественном заседании «Общества любителей отечественной словесности» 12 декабря 1814 г. говорил: «Кроме общих предметов занятий, мы имеем еще некоторые такие, кои ближе к нам по обстоятельствам и на кои можем иногда с пользою обращать внимание. Мы живем между многими иноплеменными народами, в древнем татарском царстве, в виду бывшей болгарской столицы. Татары, чувашы, черемисы, мордва, вотяки, зыряне окружают нас. Армяне, персияне, башкиры, калмыки, бухарцы и китайцы ближе к нам, нежели к другим обществам. Мы удобнее можем иметь, касательно языка или словесности их, сношения и из одного делать употребление. Как полезно собирать различные песни сих народов, сказания, записки, повести, книги, надписи и т. п. и все сие еще весьма ново. В Астрахани можно познакомиться более с древностями Кавказских гор, с грузинскою, армянскою и персидскою словесностью... в Иркутске и Троицкосавской крепости с китайскою словесностью; в первом городе с бурятскими и других народов памятниками. Составление словарей сих языков, филологическое их исследование также не бесполезно».

Официальная инструкция Магницкого, составленная в 1820–1821 гг. преподавателям восточной словесности Казанского университета, обязывала: «Профессор... не имеет нужды вдаваться излишне во все, что собственно принадлежит к... преданиям Магомета и первых учеников его... Не нужно равномерно ему входить во все то, что писано об Алкоране, в отношении его к судопроизводству. Он покажет в истории их, из древнейших стихотворцев заимствованной, те баснословные предания, на коих она основана. Он покажет в поэзии их, сколько она поверхностна и как отличается одним блеском мыслей и смелостью выражений... Все сие представит профессор с тем намерением, чтобы открыть слушателям своим, что в арабской мудрости нет ничего особенного, что она почерпнута от греков и есть не что иное, как философия Аристотеля, пламенным их воображением искаженная. Он вообще ограничится преподаванием языков арабского и персидского в том единственно отношении, в котором они торговым и политическим связям для России могут быть полезны».

Однако вопреки этой официальной установке формируются подлинно научные, гуманистические, образовательные и культурные традиции в казанском востоковедении и тюркологии.

Прежде всего размывался «варварский образ» Азии, формировались объективные знания об истории и культуре восточных (тюркских) народов, расширялись и углублялись географические и исторические представления об окружающих азиатских странах, усиливались историко-культурные связи народов России с Востоком. В российском имперском обществе усиливались уважение к «чужой» культуре и ценности традиционных культур Востока. Принципы гуманизма, равноправия и равнозначности цивилизаций и культур особенно заметны в многообразной деятельности отечественных востоковедов-тюркологов. Стремление востоковедов России к познанию и признанию культур народов и цивилизаций Востока превращалось в осознанную потребность общества и государства. Ориентальное образование и наука о Востоке стали важной основой культуры народов, проживающих в России. Геополитическое и географическое положение России между Европой и Азией, между Востоком и Западом способствовало развитию феномена научного и практического ориентализма. Синтез историко-географических, многообразных этнических зон, культур и религий в Российской империи играл определяющую роль в истории мирового и российского востоковедения, в том числе казанского центра востоковедения.

Плодотворным этапом в развитии востоковедения в университете стали конец 20-х – 40-е гг. XIX в.

В декабре 1827 г. попечитель учебного округа М. Н. Мусин-Пушкин, обосновывая «умножение» кафедр в университете, высказал идею создания при университете Восточного института, «столь полезного для образования молодых людей, могущих быть: употребленными в постоянных торговых и политических сношениях России с государствами восточными и отправленными путешествовать на Восток для узнания нравов, обычаев, законов и проч. Народов, там обитающих и России столь мало известных».

В проекте, направленном из Казани в Петербург, предлагалось на словесном факультете университета образовать два разряда кафедр: в первом с «славянскими и

прочими», а во втором с персидским, арабским, турецким, татарским, маньчжурским, монгольским и армянским языками. Однако в ноябре 1829 г. «Комитет устройства учебных заведений» считал «необходимым, чтобы все наши университеты равны были по предметам преподавания и ни в одном из них не полагает иметь кафедры для языков восточных, а вместо сего положить учредить в С.-Петербурге особое отделение обнимающее вполне все восточные языки...».

Первая целостная программа формирования и развития университетского востоковедения в Казани была изложена попечителем учебного округа М. Н. Мусиным-Пушкиным 14 апреля 1833 г. в письме в Министерство народного просвещения. Он, оценивая состояние востоковедения в университете, писал, что студенты «многие изъявляют желание обучаться восточным языкам, и многие из них с значительным успехом занимаются оными. Но трехлетнего академического курса при многообразности предметов в оный входящих недостаточно для усовершенствования в восточных языках. Сверх того казенно-коштные студенты, занимавшиеся прилежно восточными языками, при окончании курса определяются наравне с прочими в старшие учителя гимназии. И так все их труды, все их успехи, все их познания в языках восточных остаются совершенно бесполезными, как собственно для них, так и для государства, и они, не имея в виду никакой цели, побуждающей их к усовершенствованию и распространению сведений, оставляют наконец совершенно свои занятия».

Позиция М. Н. Мусина-Пушкина заключалась в следующем: «Казань, соединяя Европейскую Россию с Азиатскою, служа складочным местом для товаров восточных, привлекая обширную торговлю своею азиатцев, заключаая много татар, а в числе их довольно образованных, обучавшихся в Бухарии, – есть... то место, где весьма легко соединено быть может без больших издержек теоретическое и практическое изучение языков восточных».

Надо выделить следующие важные официальные меры, которые развили систему казанского университетского востоковедения. В октябре 1826 г. появился приказ министра народного просвещения А. С. Шишкова о назначении А. К. Казем-Бека на должность лектора восточных языков. В мае 1833 г. С. С. Уваров утвердил «Правила для обучающихся восточным языкам в Казанском университете». В июле 1835 г. введен дополнительный двухгодичный курс «теоретического и практического изучения» восточных языков. В июле 1835 г. «Общий устав императорских российских университетов» утвердил в программе философского факультета Казанского императорского университета предметы «восточной словесности» – арабский, персидский, турецко-татарский и монгольский языки. 19 января 1837 г. указом Николая I увеличивается до 14 человек число казенно-коштных студентов «класса восточной словесности». В июне 1840 г. приказом попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина утверждаются «Правила для выпускников Казанского университета, оставленных при университете для усовершенствования в восточных языках», включающие переводы, упражнения в разговорном языке, лекции, составление сочинений, преподавание азиатских языков в первой Казанской гимназии и др. В марте 1843 г. министром народного просвещения утверждено «Распределение пред-

метов по разряду восточной словесности в императорском Казанском университете» в шести разрядах – арабско-персидской, турецко-татарской, монгольской, китайской, санскритской, армянской словесности и т. д.

В 1835–1837 гг. основные курсы восточных языков: арабский, турецко-татарский, персидский и монгольский – были объединены в разряд восточной словесности философского факультета Казанского университета.

Формирование семи восточных кафедр, охватывающих крупнейшие ареалы Востока, явилось значительным событием. История образования и деятельности востоковедных кафедр университета имеет особое значение. Судьба восточных кафедр университета и их учебно-педагогическая и научная роль была неоднозначной. В первой половине XIX в. ведущую роль играли кафедры, специализирующиеся по мусульманскому Востоку и Центральной Азии.

Основой разряда восточной словесности Казанского университета в 1828–1854 гг. стали арабо-персидская (1828), турецко-татарская (1828), монгольская (1833), китайская (1837), санскритская (1842), армянская (1842) и калмыцкая (1846) кафедры. В 40-х гг. XIX в. планировалось открытие трех новых восточных кафедр – индустанского, тибетского и еврейского языков.

В 1851–1854 гг. указы Николая I «О прекращении преподавания восточных языков в Казанском императорском университете и о создании в Петербурге Азиатского института» (ноябрь 1851 г.) и «О прекращении преподавания восточных языков в Казанском императорском университете» (октябрь 1854 г.) предопределили новую правительственную политику по созданию ведущего востоковедческого центра России во второй половине XIX – начале XX вв. в Петербурге. Тем не менее, особенно институционализация тюркологии и тюркологические комплексные исследования развиваются в университете и в других образовательных и научных центрах.

В первой половине – середине XIX в. разряд восточной словесности Казанского университета становится учебным и научным центром изучения истории и культуры народов мусульманского Востока. Этот период связан с развитием научных дисциплин – тюркологии, иранистики, арабистики, исламоведения и т. д. Страны зарубежного мусульманского мира – Османская империя, Персия, Арабский Восток и регионы традиционного распространения ислама Российской империи (Поволжье и Приуралье, Кавказ и Средняя Азия, Крым) – стали объектом исследования в трудах и статьях казанских университетских востоковедов Х. Д. Френа, И. Хальфина, Ф. И. Эрдмана, А. К. Казем-Бека, С. И. Назарьянца, И. Н. Березина, В. Ф. Диттеля, И. Ф. Готвальда и др.

В XIX – начале XX вв. в Казани и Казанском университете особенно прослеживается тенденция институционализации и профессионализации университетской и академической дисциплины – комплексной тюркологии в рамках направления исследования арабо-мусульманской цивилизации. С полной достоверностью мы можем выделить преемственность в формировании и развитии тюркологических исследований в Казани в XIX – начале XX вв.

Важную роль в генезисе российского востоковедения и тюркологии сыграли Петербургская академия наук и университеты. На протяжении всего XIX в. в Академии наук блестящая группа ученых представляла Казанскую школу востоковедов. Прежде всего это арабист и нумизмат Х. Д. Френ и его ученик А. О. Ярцов, тюрколог и иранист А. К. Казем-Бек, монголовед и буддолог О. М. Ковалевский, китаевед и буддолог В. П. Васильев. С 1870 г. в Петербургской академии наук были представлены известные казанские ориенталисты: арабист, иранист И. Ф. Готвальд, тюрколог и миссионер Н. И. Ильминский и тюрколог, языковед, этнограф В. В. Радлов.

Историко-научный интерес представляют письма основоположника Петербургской школы востоковедов арабиста В. Р. Розена и письмо неперменного секретаря Академии наук экономиста К. С. Веселовского казанскому тюркологу Н. И. Ильминскому, а также письмо востоковеда археолога и нумизмата В. Г. Тизенгаузена инспектору татарских, башкирских и казахских школ Казанского учебного округа В. В. Радлову. Послания датируются 1881–1884 гг. и публикуются впервые.

Этот пласт эпистолярных источников особенно интересен для осмысления истории университетской и академической ориенталистики и тюркологии в России и дополняет сведения о тесных личных и профессиональных связях ученых-востоковедов Санкт-Петербурга и Казани последней четверти XIX в. Данные источники позволяют отметить сохраняющуюся значимость казанского центра востоковедения и роль ряда его представителей второй половины XIX – начала XX вв.

В своем письме от 7 октября 1881 г. В. Р. Розен, предлагая занять вакансию ординарного академика по кафедре мусульманских языков, писал Н. И. Ильминскому: «Я знаю очень хорошо, что Вы имеете в Казани дело, которому Вы горячо преданы и которое до известной степени держится именно Вашим трудом и Вашей заботой. Но мне кажется, что и здесь в Петербурге Вы найдете возможность следить за этим делом и поддерживать его самым действительным и плодотворным образом, именно образованием новых деятелей по татарскому языкознанию. Вы согласитесь со мной, что мы именно нуждаемся в знатоках тюркско-татарских языков; русский ориентализм не может же выпустить из своих рук ту именно область, в которой он по самой природе вещей должен быть впереди западных ориенталистов, и государство не менее заинтересовано в образовании знатоков этих языков [2].

Это эпистолярное наследие интересно в следующих аспектах. Во-первых, они являются автографами крупнейших российских востоковедов XIX в. Во-вторых, в письмах В. Р. Розена и К. С. Веселовского изложено личное предложение Н. И. Ильминскому занять должность ординарного академика по разряду ориентализма и дана высокая оценка его вклада в востоковедение. Надо отметить, что Н. И. Ильминский отказался от должности ординарного академика и рекомендовал вместо себя В. В. Радлова. В-третьих, здесь мы находим уникальную оценку состояния академического востоковедения, его тюркологической составляющей и роли некоторых отечественных ученых. В-четвертых, в письмах особенно остро чувствуются личное настроение и позиция человека и ученого. В целом содержание этой небольшой переписки может послужить оригинальным материалом к составлению

научных биографий российских академиков-востоковедов и истории отечественной тюркологии XIX в.

В настоящее время подготовлен к публикации проект «Эпистолярное наследие российских востоковедов: Письма Мирзы А. К. Казем-Бека академику Х. Д. Френу (1831–1846)», посвященный 200-летию Азиатского музея и 210-летию создания кафедры восточной словесности Казанского университета. В издании впервые публикуются на английском языке и в русском переводе письма тюрколога, ираниста и арабиста, профессора Казанского университета Мирзы А. К. Казем-Бека к выдающемуся петербургскому ориенталисту, ординарному академику Санкт-Петербургской АН Х. Д. Френу. Издание также включает факсимильное воспроизведение документов, хранящихся в личном фонде академика Х. Д. Френа в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.

Исследование истории и культуры народов мусульманского мира было сконцентрировано по следующим основным направлениям: подготовка и издание учебных программ, пособий, учебников, хрестоматий, словарей; комплектация фонда восточных рукописей и книг; сбор, изучение и публикация письменных и материальных восточных памятников и источников; перевод восточных авторов; осуществление научных путешествий на мусульманский Восток, оригинальных филологических, исторических, культурологических, естественно-географических, археологических и этнографических публикаций и т. д.

В 1836 г. профессорами Ф. И. Эрдманом и Мирзой А. К. Казем-Беком были составлены списки наиболее важных мусульманских (в том числе тюркских) сочинений с целью приобретения их для университетской библиотеки. Эти списки казанских востоковедов основывались на известном источниковедческом издании Х. Д. Френа [3, 4].

В 1843 г. в восточном отделе университетской библиотеки насчитывалась 61 книга (в том числе рукописи) на арабском языке, 62 – на персидском, 23 – на турецком, 3 – на еврейском и 1 – на коптском языке. В 1853 г. в библиотеке уже было 206 книг и рукописей на арабском, 157 – на персидском, 43 – на турецком, 11 – на татарском и 1 – на зендском языке [5, с. 57; 6, с. 12; 7].

Научное наследие Мирзы А. К. Казем-Бека основано на текстологическом изучении разнообразных письменных памятников народов и стран мусульманского Востока.

Основным направлением его научной деятельности в области арабистики, тюркологии, османистики и иранистики в Казани (1826–1849 гг.) и Санкт-Петербурге (1849–1870 гг.) стали поиск, комплектация, изучение мусульманских рукописей и книг, переводы классических текстов арабо-мусульманской цивилизации.

В истории российской и мировой ориенталистики Мирза Казем-Бек известен как крупнейший представитель текстологического изучения оригинальных письменных манускриптов народов мусульманского Востока. Его научно-критический метод текстологического изучения особенно прослеживается в опубликованных им работах, посвященных известным арабо-мусульманским источникам: «Ассеб-ус-сей-яр,

или Семь планет...» (1831), «Мюхтесерюль-викгает» (или «Сокращенный викгает») (1845), «Сабат аль-аджизин» (1847), «Дербенд-наме» (1851), «Полный конкорданс Корана...» (1859), «Шераи уль-Ислам. Кн. 1. О торговле и залоге» (1862), «Шераи уль-Ислам, Кн. 2. О наследстве» (1867) и др.

В своем первом письме Френу в 1831 г. Казем-Бек писал: «Как знак моего уважения и глубоко покорных чувств, я осмелился направить вместе с этим письмом образец моей диссертации в рукописи (послал «Ат-тухфат», «Скромный подарок из учёного сада арабского народа» (прим. – Р. В., Р. В., Т. З.) на соискание должности адъюнкта восточной словесности; и, кроме того, мое предисловие к Крымской истории Сеид-Мохемеда Ризы... (as-sab'u-s-sauyār, полное название as-sab'u as-sauyār fī aḥbār mulūki tatar (араб.), «Семь планет в известиях о татарских царях» (1737 г.) – история крымских ханов турецкого писателя и историка Сейида Мухаммеда Ризы (умер в 1756 г.), ныне находящейся в печати. Надеюсь, Вашему превосходительству будет приятно получить их» [8].

Биография и наследие казанских университетских востоковедов, их научные и просветительские направления деятельности связаны с преподаванием арабо-мусульманских языков (арабского, персидского, турецкого), в частности турецко-татарского языка, с лингвистическими, литературоведческими, историческими, этнографическими исследованиями в области языков, литературы, истории и культуры тюркоязычных народов Евразии.

Известные государства и общества тюркского мира – Волжская Булгария, Улус Джучи, Османская империя и географические и историко-культурные регионы традиционного проживания тюркских народов Российской империи (Поволжье и Приуралье, Сибирь, Кавказ и Средняя Азия, Крым) – стали объектом и предметом исследования казанских университетских востоковедов-тюркологов XIX – нач. XX вв. Х. Д. Френа, И. Хальфина, Ф. И. Эрдмана, А. К. Казем-Бека, И. Н. Березина, В. Ф. Диттеля, И. Ф. Готвальда, М. Г. Махмудова, И. Н. Холмогорова, Н. И. Ильминского, В. В. Радлова, Н. Ф. Катанова, С. Е. Малова и др.

Николай Фёдорович Катанов (1862–1922) – один из крупнейших национальных учёных и подвижников российской тюркологии, образования и культуры. Его многообразная научная и педагогическая деятельность – яркое свидетельство развития в России тюркологической науки на рубеже XIX–XX веков. Научное наследие и судьба учёного в значительной степени отражают единство и многообразие истории и культуры тюркоязычных народов России и других регионов.

Феномен личности и многообразная научная деятельность Н. Ф. Катанова, к сожалению, пока недостаточно изучены. Между тем, биография учёного для наших современников представляет не только исторический интерес, его судьба остаётся ярким, поучительным примером служения науке и народу.

В 1889–1893 гг. он совершил научную экспедицию в Сибирь и Восточный Туркестан, организованную Русским географическим обществом, Петербургской Академией наук и Министерством народного просвещения, где в течение четырёх лет изучает языки и этнографию тюркских народов. Это путешествие стало важным

этапом его становления как учёного. По ценности и значимости собранных им географических, лингвистических и историко-культурных материалов оно достойно быть названным в одном ряду с экспедициями в Среднюю Азию, Монголию, Сибирь и Восточный Туркестан, осуществлёнными на рубеже веков выдающимися исследователями (Ч. Ч. Валиханов, Г. Н. Потанин, Н. М. Пржевальский, братья Г. Е. и М. Е. Грумм-Гржимайло, В. И. Роборовский, В. В. Радлов, П. К. Козлов, Г. Н. Цыбиков, В. В. Бартольд и другие).

Исследования Н. Ф. Катанова, посвящённые языкознанию, фольклористике, музейному делу, нумизматике, библиографии, традиционным и новым формам экономической и социальной жизни, быту, фольклору и духовной жизни тюркских народов Саяно-Алтая, Сынцзяня, Поволжья и Приуралья, выдвинули его в ряд крупнейших востоковедов России и Европы. Его вклад в развитие тюркологии поистине неограничен, хотя из-за отсутствия в то время социальных и педагогических условий ему не удалось создать в Казани научную школу российской тюркологии.

Большой интерес представляет и эпистолярное наследие Н. Ф. Катанова. Первые сохранившиеся письма, которые он начал писать своим наставникам, друзьям и коллегам, датируются 1884 годом. Переписка продолжалась до самой его смерти. Письма дают возможность по-новому осветить многие значимые вехи его творческой биографии.

В истории отечественной тюркологии известны письма Н. Ф. Катанова академику В. В. Радлову в период с 17 апреля 1889 года по 12 ноября 1892 года, написанные в ходе комплексной этнографической и лингвистической экспедиции по Южной Сибири и Восточному Туркестану. В 1893 году, предвзято публикуя эти письма, В. В. Радлов отмечал, что в них «немало сведений, новых и интересных для этнографии и тюркологии (тюркологии. – Р. В.)». Зачинатель комплексных историко-этнографических и лингвистических экспедиций в места проживания тюркских народов Сибири, В. В. Радлов обратил внимание читателя на то, что письма его ученика «представляют особый интерес потому, что писаны на местах исследований и под свежим впечатлением». Именно Н. Ф. Катанову довелось продолжить комплексные тюркологические лингвистические, фольклористические и этнографические исследования в Центральной Азии.

Большой интерес представляют неопубликованные письма Н. Ф. Катанова, адресованные крупным отечественным востоковедам – В. В. Радлову, В. Р. Розену, Э. К. Пекарскому, С. Ф. Ольденбургу, К. Г. Залеману и другим.

Например, он писал К. Г. Залеману в 1890 г.: «Теперь я занят переписыванием лингвистич[еских] материалов, собранных за время с октября 1889 г. по апрель 1890 года (у Минус[инских] татар и карагасов). Всего накопилось около 3.000 стран[иц]». В 1892 г. писал В. Р. Розену: «Из Петербурга я поехал в Сев[ерную] Монголию, где исследовал Урянхайское наречие; потом в Вост[очной] Сибири исследовал быт и язык карагасов и минусинских татар; затем в Ср[едней] Азии исследовал быт и языки казак-киргизов и сартов, русских и китайских. Сколько я собрал и представил к печатанию, можете узнать у В. В. Радлова и Н. И. Веселовского». В 1901 г. из Казани

писал Э. К. Пекарскому: «...Я нахожу много сходного с чертами шаманства южно-сиб[ирских] тюрков и урянхайцев Сев[ерной] Монголии, быт, язык и верования которых я исследовал в 1889–1892 годах. Так как Вы вполне научно и основательно занимаетесь якут[ским] яз[ыком], то мне будет весьма приятно принести Вам весною, а может и раньше, в дар моё обширное исследование об урянхайском языке, который, по мнению моему, вместе с карагасским сходен с якутским, а потому моё исследование будет Вам, быть может, не бесполезно и для тюркологии не бесследно, так как Вы можете, глядя на него, многое осветить иначе, ибо Вы стоите у источника, мало исчерпанного, и к тому, чтобы черпать из него, обладаете лучшими средствами, чем многие наши рус[ские] учёные».

Огромное значение представляют неопубликованные дневники и разнообразные записи известного казанского тюрколога-языковеда, этнографа и фольклориста. Дневник путешествия в Туву (Урянхайскую землю) Н. Ф. Катанова вышел в свет только в 2011 г., более века пролежав в архиве петербургской Кунсткамеры. Его Дневники путешествия и разнообразные фольклорные, лингвистические и этнографические материалы, собранные в Сибири, Сынцзяне, Тарбагатае, Семиречье, Поволжье и Приуралье, сохранились в отечественных архивных центрах и фондах. Например, в перспективе будет реализован проект подготовки и издания дневника Н. Ф. Катанова 1890 г. «Путешествия по Сибири, Джунгарии и Восточному Туркестану» и другие.

Исключительное значение в отечественной тюркологии и истории и культуре народов России имела деятельность национальных представителей тюркских народов империи в Казани (Х. Амирханов, Ш. Марджани, К. Насыри, Р. Фахретдинов, Х. Фаизханов, Г. Ахмаров, А. Ильясов, Ш. Ахмеров, Г. Губайдуллин, Г. Баттал, А. Курат, З. Валиди, Н. Золотницкий, Н. Никольский, В. Магницкий, Н. Ашмарин и др.).

В целом в Казани и Казанском университете на протяжении XIX – начала XX вв. в России формируется и развивается практическая и университетская классическая тюркология – актуальная научная дисциплина мирового востоковедения. Истоки практической и научной тюркологии в России связаны с комплексным исследованием арабо-мусульманского Востока, тюркского и монгольского миров. Базой развивающейся классической тюркологии в России становится ориентация академических и университетских центров на изучение тюркских языков, исследование памятников классической словесности и материальной культуры тюркской цивилизации. Формирование и развитие российской тюркологии, в том числе казанской научной школы тюркологов XIX – нач. XX вв. свидетельствует об историко-филологической и сравнительно-исторической направленности и комплексности исследований.

Список литературы

1. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 778, оп. 2, д. 339.
2. НА РТ, ф. 968, оп. 1, д. 38, л. 12–14.
3. НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 4527, л. 8–9.
4. Френ Х. Д. Хронологический список ста сочинений, преимущественно исторического и геогра-

фического содержания, на арабском, персидском и турецком языках, недостающих большей частью в европейских библиотеках, коих отысканием в оригиналах или в верных копиях следовало бы заняться для пользы наук особам, имеющим свое пребывание на Востоке. – СПб., 1834.

5. Мазитова Н. А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (первая половина XIX века). – Казань, 1972.

6. Романов Я. С. Краткий очерк истории Научной библиотеки Татарской республики при Казанском госуниверситете. 1809–1839 гг. – Казань, 1940.

7. Готвальд И. Ф. Описание арабских рукописей, принадлежавших библиотеке имп. Казанского университета. – Казань, 1855.

8. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 778, оп. 2, д. 130, л. 1об. 12.

Valeev R. M., Abidulin A. M., Valeeva R. Z. The University Turcology in Kazan: Traditions and innovations (XIX – the beginning of the XX centuries) / R. M. Valeev, A. M. Abidulin, R. Z. Valeeva // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 101–116.

The article is devoted to the phenomenon of historical and scientific study of the Turkic cultural heritage in Russia, especially in the University of Kazan in the Nineteenth – early XX centuries. Cradles of practical and academic teaching Turkish language, literature and history at the Russian universities, distinguished founders and the direction of formation of the Russian University Turkic Studies in Russia. The focus is on a variety of historiographical and unpublished materials, covering events, heritage Orientalists-Turkic studies and the results of the formation of Turkic Studies at the University of Kazan in the nineteenth – early twentieth centuries.

In the XIX century. Oriental becomes truly scientific and comprehensive, largely turkology was the basis of education and science of the East in Russia. In the last quarter of its leading scientists, Orientalists formulated main task – to convey to students and compile «all the knowledge on East mined by science, and not alone its language». In Orientalism in the XIX – early XX centuries. developed philological and cultural historical disciplines, new methods and techniques of research nations and Asian countries. Have developed a classical Oriental, connected to the dead and the living oriental languages and literature, and historical monuments, ancient and medieval history and culture of foreign peoples of the East, the Asian territories and peoples of the Russian Empire.

Keywords: Turkology, Kazan University, teaching oriental languages, Orientalism.